

Из истории грамотности на Устье

Чтение и письмо

Обычно под грамотностью понимают чтение и письмо. Умение читать и писать отличает грамотного человека от неграмотного, также без этих основных навыков невозможно продолжать учебу в дальнейшем. Наши предки даже до появления школ, безусловно, были грамотными: об этом говорят сохранившиеся древние документы. В архиве Дмитриевской земской волостной избы и других собраниях местных древних актов сохранились написанные руками наших предков «грамоты» (акты) XVI–XVII веков – «купчие» (акты купли), «продавчие» (акты продажи), «менные» (акты обмена), «дельные» (акты раздела), «полюбовные» (мировые соглашения), «поручные» (акты поручительства), «духовные» (завещания)...

Правильным оформлением документов обычно занимались волостные и церковные «дьячки» (писари), они же, как правило, и ставили под ними подписи. Иногда дьячок в одном лице мог объединять сразу обе эти должности, выполняя в волости всё административное и церковное делопроизводство. В частном порядке он мог принимать от людей и писать «челобитные» (прошения в адрес вышестоящей инстанции, обычно на имя царя), заявления местного значения, которые затем оглашались перед всем миром («явки»).

Для заверения подлинности документа применялась, как и сейчас, личная подпись. Умение поставить подпись за себя или расписаться за неграмотного на протяжении веков было весьма полезным умением и высоко ценилось. Но поскольку грамотными были далеко не все, то обязанности современного нотариуса обычно принимал на себя местный священник или, как его тогда называли, «духовный отец». Заверение, к примеру, выглядело так: *«К сей челобитной Никольской поп Василей в детей своих духовных место руку приложил».*

Священники и дьячки, безусловно, начиная с незапамятных времен, все были грамотные, поскольку в обязанности первых входило знакомство с духовной литературой, чтение проповедей, а в обязанности вторых – ведение церковной документации. Также священники и дьячки не только «заручали» (заверяли) документы, но могли вести переписку, выступая представителями крестьянского мира. Так было, в Устьянских волостях, например, в Смутное время. Во время нашествия поляков на Север защитники местного оборонительного сооружения – «Минской засеки» – особо нуждались в быстром обмене информацией со всеми участвующими в сопротивлении волостями, и для обеспечения связи нужны были грамотные люди. Так, в одном из сохранившихся писем примерно 1613 года говорится о том, что *«на засеке дьяка нет, некем отписать стало дело ускорное [срочное] от хрестьян».* В связи с этим челобитие о положении дел на засеке с просьбой в другие Устьянские волости о помощи написал священник Ростовской церкви Савастьян Романов.

Грамотными по роду своей деятельности должны были быть и местные высшие должностные лица: земские судьи, целовальники, сотские, и, разумеется, дьячки. Неграмотные люди не смогли бы правильно вести суд, тем более принимать участие в законотворческой деятельности. Известно, что в 1589 г. в Устьянских волостях был составлен и на протяжении 60 лет действовал свой Судебник – кодекс законов, по которому осуществлялось местное судопроизводство. Поскольку в случае дарованного устьям самоуправления суд осуществлялся на месте выборными должностными лицами во главе с земским судьей, то, по Судебнику 1589 г., участвующие в составе судейской коллегии дьячки сами должны были писать «судные речи» (протоколы судебных заседаний), делать «списки» (копии), а целовальники следить за правильностью ведения документации, чтобы «судные речи» не писались ложно.

Невозможно без обладания грамотой было вести и правильный сбор налогов, а это также, согласно жалованным грамотам верховной власти, входило в обязанность выборных должностных лиц. Грамотные люди должны были относить правильно собранные денежные средства в Москву, осуществлять документооборот с высшей инстанцией – приказом Устюжской четверти в Москве, и участвовать в судебных заседаниях по спорным делам, которые также передавали в Москву.

Поскольку выборные должностные лица каждый год переизбирались, и, как правило, один и тот же человек дважды подряд занимать должность не мог, то круг высших должностных лиц, обладавших грамотностью, из числа устьянских крестьян был довольно широк. Они, в свою очередь, могли обучать грамоте своих родственников, соответственно, и грамотных людей в период действия классического земского самоуправления в XVII веке в Устьянских волостях было немало.

Грамотность выборных должностных лиц была в порядке вещей, хотя, конечно, некоторые из них не знали грамоты. Об этом говорит фраза из жалованной грамоты крестьянам Устьянских волостей 1622 г. В ней говорится сначала о выборе и присяге «излюбленных» (выбранных) волостных людей, а в конце содержится примечание: *«а которые грамоте не умеют, и в их место отцем их духовным к тем спискам руки свои приложить»*.

Математика (арифметика и геометрия)

Наши древние предки, судя по сохранившимся письменным источникам, обладали счётом и измерением, и далеко не на примитивном уровне. Как уже говорилось, по роду своей деятельности местные должностные лица в случае самоуправления должны были сами рассматривать судебные дела и выносить определенное решение. Дела же в XVII веке часто касались участков земли, которые нужно было измерить и правильно поделить между «складниками» – жителями деревни, которые владели сообща землей в разных долях. Причем участки имели в подавляющем большинстве случаев не совсем правильную геометрическую форму.

Например, в д. Андреев Починок (Илясово) Введенской волости в 1620-х годах сложилась следующая ситуация: 9/16 пахотной земли деревни принадлежали братьям

Савелию и Федору Васильевичам Илясовым, а остальные 7/16 – складникам Харитону Захарьевичу Шаляпину, Русину Хабарову и Леонтию Микулину. Такое долевое владение существовало лишь юридически (по купчим грамотам), деление земли в натуре не было проведено, из-за чего и возникла тяжба между собственниками. Причем действовал трехпольный севооборот, и общая пахотная земля деревни находилась в трех отдельных полях. Эти три поля, возможно, располагались на имеющемся под данной деревней склоне, поскольку имели вид трапеций с основаниями в 30 $\frac{1}{2}$, 19 и 32 трехсаженных шеста, с высотами в 39, 39 и 29 таких же шестов и с противоположными основаниям сторонами в 20, 17 и 30 шестов. Собранная комиссия из пятидесятского, двух целовальников и дьячка измерила площадь трех полей шестами и выделила в каждом из них долю, причитающуюся обеим группам складников. Задача, надо сказать, не совсем легкая и для учащихся современной школы.

Очень сложно было правильно разверстывать и собирать налоги: следовало учитывать много факторов. Прежде всего, налогообложение зависело от площади обрабатываемой пахотной земли и сенокосных угодий, приходящихся на разверстанную – на волость, деревню и хозяйство – долю общего налога (данных и оброчных денег), измеряемую в «вытях» (редко в целых числах, обычно в частях). При обложении пашни учитывалось плодородие земли: пахотная земля делилась на «добрую», «среднюю» и «худую», в зависимости от этого изменялся и размер земли, необходимый для выплаты налога. Учитывались и «завытные», т.е. выходящие за пределы общей разверстки, участки пашни и сенокоса, которые облагались дополнительным оброком. Причем, землевладение и налогообложение находились меж собой в динамической связи: если хозяин двора мог платить («тянуть») больший налог, то ему могли прирезать дополнительный участок земли, если же не мог «тянуть», то мог и этого лишиться. Во избежание несправедливости всё это дело должно было быть измерено и посчитано точно и затем многократно пересчитываться, в зависимости от очередных разверсток и изменения имущественного положения хозяйств.

На деле не было единого налога, а были различные виды денежных сборов («четвертные доходы» («данные», «оброчные», «за волостелин доход» и «пошлины»), «на ратные люди» (затем «стрелецкие деньги»), «за сибирские хлебные запасы», «ямские деньги» и другие), которые должны были каждый раз по-особому рассчитываться. Налоги частью были фиксированными, а частью их размер мог измениться (как правило, быть повышен) в связи с чрезвычайными обстоятельствами, которыми богата история России, либо новыми открывшимися нуждами правительства. Помимо государственных были и местные сборы.

Понятное дело, что знание математики было для местных крестьян жизненной необходимостью, т.к. от неправильного счета и, как следствие, неправильного налогообложения могло резко измениться (обычно в худшую сторону) материальное положение хозяйств.

География

Неверно считать, что средневековые крестьяне, наши предки, не видели ничего далее своей околицы. Как уже говорилось, ходоки с Устья (выборные должностные лица, приносившие присягу, денежные сборщики, участники судебных процессов) регулярно пешком отправлялись Москву, познавая, таким образом, на себе обширную географию своей страны. Причем нередко устьякам приходилось подолгу жить «на Москве», ожидая вынесения высочайшего решения. В противоположном направлении, на Север, наши предки также зимой ходили, а летом сплавливались по рекам Устье, Ваге и Двине. В Судебнике 1589 г. и сохранившихся документах Дмитриевского архива содержится упоминание Холмогор – столицы Севера на то время, города, который был устьякам также хорошо знаком. Бывали периоды истории, когда устьякам приходилось исполнять ямскую повинность, и тогда ямщиков с лошадьми гоняли и «к Вятке, и к Устюгу, и в Пермь Великую, и к Вычегодской Соли, и к Еренскому городку, и на Удору», как сообщали устьяки в челобитии царю. Впрочем, из-за удаленности Устьянских волостей от основных путей сообщения ямская повинность на протяжении основного периода истории исполнялась ими не в натуральной, а в денежной форме, по жалованным царским грамотам.

История

Первая известная жалованная грамота была получена устьяками еще в третьей четверти XV века в правление Ивана III и сберегалась ими вместе с другими великокняжескими и царскими грамотами XVI–XVII веков вплоть до середины XIX века. Архив Дмитриевской земской волостной избы XVI–XVIII веков сохранился до сих пор.

Приверженность старине имела для устьяков вполне понятный практический смысл. Для защиты своих законных прав устьянские челобитчики неоднократно обращались к представителю верховной власти (великому князю, царю) и добивались всякий раз жалованных грамот, которые, в свою очередь, неоднократно нарушались. Тем не менее, жалованные грамоты аккуратно собирались и хранились крестьянами Устьянских волостей. В результате к концу XVII в. образовалось собрание из 7 грамот: начиная с грамоты Ивана III и заканчивая последними, утвержденными действующими правителями Иваном и Петром Алексеевичами.

Эти грамоты, освященные историей и правовой традицией, опиравшейся на сложившуюся в истории практику – «старину», имели в разбирательствах довольно большой вес. Приложения их к челобитной в большинстве случаев было достаточно для того, чтобы в случае очередных притязаний вынести решение в пользу Устьянских волостей. В этом смысле и грамота Ивана III, выданная в третьей четверти XV века, была и в конце XVII века реально действующим документом.

Хранить грамоты, дававшие постоянную защиту, использовать их в тяжбах с соседними городами было для крестьян Устьянских волостей жизненной необходимостью. Благодаря тому, что списки грамот постоянно использовались в делах, сведения о них можно найти в различных источниках.

В целом древние устьяки были, безусловно, грамотными людьми. Помимо умения читать, писать и считать они обладали широким кругозором, хорошим знанием законов и готовностью их защищать.

Литература:

Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. – Тома I, II. – М., 1909, 1912.

Истомин А. А. Имунитетные грамоты от ямской повинности как основа административной самостоятельности Устьянских волостей // Проблемы развития транспортной инфраструктуры северных территорий. Вып. 2. Материалы 2-й всероссийской научно-практической конференции 22–23 апреля 2016 года. СПб, 2017. С. 141–149.

Истомин А. А. Фискальная политика государства в отношении Устьянских волостей в первой половине XVII века // Становление и развитие российской государственности и системы управления на Русском Севере в XVI – начале XXI в. Материалы XV Каргопольской международной научной конференции (15–17 августа 2018 г.) / Отв. ред. и сост. М.Г. Пугачева, Н.И. Тормосова. Каргополь, 2018. С. 105–120.